

Сергей Ивкин

г. Екатеринбург

Иона

1.

Всё возьми. Оставь пожить немного.
Вдохи реже, а удары чаще.
В этом самолётике для Бога
я – не больше, чем кимвал звучащий.

В полутьме стеклянной отраженьё
отвечает, словно из утробы
на УЗИ в нечётком разрешенье,
лишь поются губы: бобэоби.

Нашу тень распятую выносит
на поля, лишённые приплода:
партизаны поджигают осень.
Это не финита, а погода.

Это объявление метели.
На петлицы ягоды рябины.
Нас радисты заживо отпели.
Запах листьев хлещет из кабины.

2.

Радиорубка верньером скребёт эфир.
Ветер сегодня общительней, чем дельфин.
Между помехами нет ничего на свете.
Тёплое чрево кита, где мне трудно ды...
То, что спасает от холода и воды,
также имеет форму и сущность клетки.

Бейся, радист. Отчаянье – это стыд.
Дождь... Поднимается море... Рассудок спит

и порождает чудовищ огневолосых:
это горит обмотка твоих реле.
Помни, с молитвой и на одном крыле
ковыляет во мгле Утёсов.

3.

Трещины тоннелей в тёмно-синем
небе не видны со дна колодца.
Только песня тянет из трясины.
Только песня проявляет солнце.

Только песня оградит Иону,
сообщит артериальной почтой,
что желудок обратится в лоно,
и могила обернётся почвой.

Имя мне – дым, туман, всевозможная ерунда.
Вынь моё сердце и прожарь его на мангале.

Имя тебе – Надёжность: ты создаёшь города
и способы взятия их, в идеале.

Имя мне – щебень, разбросанный по дворам.
Вынь мои лёгкие и разверни парусами.

Имя тебе – Надежда: ты воздвигаешь храм.
Завтра его прихожане разрушат сами.

Имя мне – хохма, за которую бьют в живот.
Вынь мой язык и скорми прилетевшим тварям.

Имя тебе – Отход околородных вод:
новую книгу обещающий комментарий.

Имя мне – срамословие, от которого чёрен
день.

Вынь мои чресла и приготовь лекарство.

Имя тебе – Закон. Ты – вершитель небесных
дел.

Просто убей меня и спокойно царствуй.

приблизился и дышит мол они
тебя назвали ученик и бездарь
ты был титан а распахнули бездну
и вновь никто среди чужой родни

на фоне вечности не вылетит АЭС
похлёбка с элементами исхуйства
а ну их всех ты больше к ним не суйся
выращивай пускай не сад но лес

всё ближе брешет давит и нудит
все пидарасы прав хрущёв (цитата)
да я б с двух рук по ним из автоматов
там каждый первый сволочь и бандит

отсев и пыль а был краеугольным
почти вприжимку продолжает чад
в тенденции участливо молчать
своих шакалов кормим добровольно

...где-то в этой квартире живут жуки.
Некоторые врезаются по ночам
мне в переносицу, выскальзывают из-под
руки,
подражают карибскому ча-ча-ча.

Я вчера одного пытался поймать в газету:
«О, мазел тов!»
(в связи с запретом экспрессии друзья
перешли на иврит) –

и выяснил, что жуки защищают нас от кротов,
как, скажем, кроты защищали бы нас
от ставрида.

Редкие гости мешают в наперстках чай
с дешевым вином: «Азох'н'вэй, шлемазл!»

В пустую квартиру наутро снисходит печаль.
Возвышенно-песенная, не депрессия,
вэй'з мир, ни разу.

– Привидения заводятся от сырости.

– Значит, я их встречу в душевой?

– Близко время тишины и сытости.

Все печали порастут травой.

Мы пойдём с друзьями и питомцами
под зеленой низкою луной.

– А когда взойдет планета с кольцами,
по Земле объявят выходной?

– Ничего опять не получается,
валится из рук, горит кругом.

– Хочется заплакать и отчаяться,
и куда глаза глядят – бегом?

– У индейцев заячьего племени
потлач взял, а славы не принес.

– Боже Христе: кто все эти лемминги?

– Отвечать вопросом на вопрос
видится единственной стратегией?

– Сам собою выдыхает рот.

– Так вот написалась мной телегия.

Или гнома. Кто их разберет?

